

Архивно-следственное дело бывшего командующего войсками Северо-Кавказского военного округа командарма 2 ранга Н. Д. Каширина как источник для исследования массовых политических репрессий в Красной армии в 1937–1938 гг.

В. С. Мильбах, А. В. Дусин

Феномен массовых политических репрессий 1937–1938 гг. в СССР по-прежнему привлекает внимание не только историков, но и простых граждан, интересующихся историей своей страны и её Вооруженных сил. Особый интерес вызывают вопросы политического преследования высшего командно-начальствующего состава Красной армии, значительная часть из которого была обвинена в заговоре против существующего строя. За 4,5 предвоенных года жертвами политики репрессий стали более 800 представителей «красного генералитета» (расстреляны по обвинению в контр-революционных преступлениях, умерли под стражей, покончили жизнь самоубийством).

В статье представлены результаты изучения материалов архивно-следственного дела одного из видных советских командиров межвоенного периода – командарма 2 ранга Н.Д. Каширина.

Ключевые слова: политические репрессии, командно-начальствующий состав, арест, заговор, казачество, следствие, протокол допроса, фальсификация, расстрел, реабилитация.

Для цитирования: Мильбах В.С., Дусин А.В. Архивно-следственное дело бывшего командующего войсками Северо-Кавказского военного округа командарма 2 ранга Н.Д. Каширина как источник для исследования массовых политических репрессий в Красной армии в 1937–1938 гг. // История повседневности. 2022. № 3. С. 142–163. DOI 10.35231/25422375_2022_3_142

Массовые политические репрессии 1937–1938 гг. в Советском Союзе затронули все слои общества и все социальные группы. Главными врагами советского государства были объявлены троцкисты, в борьбе с которыми И.В. Сталин призвал применять «новые методы, методы выкорчёвывания и разгрома» [1, с. 164]. Фактически это была четко сформулированная перед НКВД СССР задача на поиск и уничтожение «врагов народа». В стране за два года по обвинению в политических преступлениях аресту подверглись более полутора миллионов человек, большинство из которых (1 344 923 чел.) были осуждены за контрреволюционные преступления, из них половина приговорены к высшей мере наказания [2, с. 318].

Массовые политические репрессии бесцеремонно вторглись в повседневную жизнь многих советских людей. Радио, газеты и журналы были заполнены призывами уничтожить подлых изменников, «мешающих завершить построение коммунистического общества» [3]. Идеология борьбы с «врагами народа» пронизывала все поры советского общества. Личная жизнь, социальные институты, семья, образование, культура, наука, ни одна сфера общественной или другой жизни не были свободны от вмешательства государства, насаждавшего «сверхбдительность», формировавшего атмосферу агрессивности, подозрительности и тотального страха [4].

Период массовых политических репрессий в СССР 1937–1938 гг. вошел в мировую историографию как «большой террор» благодаря британскому историку Роберту Конквесту [5]. В качестве историографической основы исследования необходимо отметить несколько монографических изданий по истории репрессий следующих авторов: В.Н. Рапопорт и Ю.А. Геллер [6], О.В. Хлевнюк [7], В.Н. Земсков [8]. Отдельно следует выделить историков, которые в своих работах исследовали феномен политических репрессий в Красной армии: О.Ф. Сувениров [9], Н.С. Черушев [10], М.И. Мельтюхов [11], А.А. Печенкин [12].

К сожалению, длительное время основные источники для исследования – материалы архивно-следственных дел были недоступны широкому кругу историков. В настоящее время появилась возможность исследователям детально изучить не-

когда засекреченные документы, хранящиеся в ведомственных архивах.

С весны 1937 г. политические репрессии были развернуты по всей стране. Активно проводились они в армии и на флоте. Началом массовых репрессий в РККА стало дело так называемой «антисоветской троцкистской военной организации» – по обвинению группы высших советских военачальников во главе с маршалом М.Н. Тухачевским в организации военного заговора с целью захвата власти в стране.

Дело о раскрытом органами НКВД военно-фашистском заговоре было рассмотрено 11 июня 1937 г. в Москве Специальным судебным присутствием Верховного суда Союза ССР в закрытом заседании без вызова свидетелей и без участия защиты. Все обвиняемые во главе с маршалом Советского Союза М.Н. Тухачевским¹ в суде признали себя виновными в инкриминируемых им контрреволюционных преступлениях и были осуждены к высшей мере наказания – расстрелу.

Сталинским руководством в состав Специального судебного присутствия Верховного суда 11 июня 1937 г. были включены: маршалы Советского Союза С.М. Буденный и В.К. Блюхер, командармы 1 ранга И.П. Белов и Б.М. Шапошников, командармы 2 ранга Я.И. Алкснис, П.Е. Дыбенко, Н.Д. Каширин и комкор Е.И. Горячев. Газета «Правда» называла их не иначе как «цвет нашей славной Рабоче-Крестьянской Красной Армии, цвет возвращенных партией Ленина – Сталина кадров обороны нашей великой родины» [13]. Почти все эти высокопоставленные командиры, привлеченные сталинским руководством для вершения правосудия от лица армейских масс, вскоре сами стали, за исключением С.М. Буденного и Б.М. Шапошникова, жертвами репрессий и не пережили 1938 г.

Одним из тех, кто входил в состав Специального судебного присутствия был видный советский военачальник командарм 2 ранга Николай Дмитриевич Каширин. В анкетах его данные сообщались следующим образом:

русский, член ВКП(б) с апреля 1918 г., родился в феврале 1888 г. в станице Верхнеуральской Троицкого округа Уральской области. Из казаков. В 1902 г.

¹ По делу «военно-фашистского заговора» к уголовной ответственности были привлечены восемь видных советских военачальников: маршал Советского Союза М.Н. Тухачевский, командармы 1 ранга И.П. Уборевич и И.Э. Якир, командарм 2 ранга А.И. Корк, комкомы В.К. Путьна, Р.П. Эйдеман, В.М. Примаков и Б.М. Фельдман.

окончил высшее начальное училище и стал работать учителем в Верхнеуральской школе. В 1906 г. поступил в Оренбургское юнкерское училище, которое окончил в 1909 г. После училища служил в Ташкенте, в 5-м казачьем полку. За революционную агитацию в 1911 г. подвергнут суду чести и в начале 1912 г. был уволен со службы. В связи с началом Первой мировой войны был призван в армию и назначен начальником конно-саперной команды 1-й Оренбургской казачьей дивизии. С марта 1915 г. – командир сотни 10-го казачьего полка. С 1916 г. – начальник разведки 9-го казачьего полка. За боевые заслуги награжден шестью боевыми орденами [14].

С января 1917 г. – начальник учебной команды 2-го запасного казачьего полка. После Февральских событий 1917 г. избран председателем полкового комитета. В апреле 1917 г. на кругу Оренбургского казачьего войска избран товарищем (заместителем) председателя президиума круга.

В РККА Н.Д. Каширин вступил в марте 1918 г., сформировал казачий добровольческий отряд, с которым участвовал в боях с частями атамана Дутова. В середине июля 1918 г. был избран главнокомандующим Уральской партизанской армии, в 1919 г. командовал 4-й Уральской (позже 30-й) стрелковой дивизии, затем был комендантом Оренбургского укрепленного района, начальником 49-й крепостной дивизии Туркестанского фронта. В октябре 1920 г. Н.Д. Каширин был назначен командиром 3-го конного корпуса, с которым участвовал в разгроме войск генерала Врангеля.

После Гражданской войны Н.Д. Каширин был командиром 14-го стрелкового корпуса. В 1924 г. окончил Высшие академические курсы (ВАК) при Военной академии РККА. С июня 1924 г. – командир и военком 1-го конного корпуса червонного казачества. С сентября 1925 г. – инспектор кавалерии и ремонта Украинского военного округа. С ноября 1925 г. – помощник командующего войсками Украинского, а с мая 1928 г. – Белорусского военных округов. С ноября 1928 г. – помощник командующего войсками Московского военного округа. С мая 1930 г. на такой же должности в Северо-Кавказском военном округе (СКВО). С июня 1931 г. по июль 1937 г. – командующий войсками СКВО. С июля 1937 г. – начальник Управления боевой подготовки РККА. Член ВЦИК и ЦИК СССР. Член Военного совета при наркомате обороны СССР [15, с. 29–31].

Вскоре после назначения на должность начальника Управления боевой подготовки Красной армии Н.Д. Каширин оказался под подозрением в контрреволюционной деятельности. По сведениям отечественного историка О.Ф. Сувенирова, после ознакомления с протоколом допроса от 5 августа 1937 г. арестованного заместителя начальника Разведуправления РККА, И.В. Сталин написал Н.И. Ежову: «Арестовать: 1) Каширина, 2) Дубового, 3) Якимовича, 4) Дорожного (чекист), 5) и других» [9, с. 68]. Вскоре это было исполнено.

В документах, оформленных сотрудниками НКВД, отмечено, что арестованный Н.Д. Каширин восемь лет прослужил офицером в Оренбургских казачьих частях, последний чин – подъесаул. В протоколе обыска (ордер № 4434 от 19 августа 1937 г.) по адресу проживания Н.Д. Каширина – Лубянский проезд дом 17, квартира 15, наряду с документами, орденами, «секретными книгами военными», указано огнестрельное оружие (два пистолета, три винтовки, два охотничьих ружья) с боеприпасами и холодное оружие (три шашки и кавказский кинжал) [16, л. 2–3]. Примечательно, что при аресте командарм 2 ранга Каширин не пытался воспользоваться своим арсеналом, а дал спокойно себя арестовать, полагая, что все происходящее – нелепая случайность и что «там разберутся».

В анкете арестованного указано, что Н.Д. Каширин был арестован органами НКВД 20 августа 1937 г. и содержится в Лефортовской тюрьме, отмечено, что с ним проживали: мать – Лариса Матвеевна Каширина 84-х лет, жена – Валентина Александровна, сын Владимир 14 лет и дочь Люба 5 лет. Также в анкете указано: «Брат Алексей живет в Ростове, работает. Брат Иван, и Петр два м-ца назад арестованы орг. НКВД» [16, л. 7].

Протоколы допроса Н.Д. Каширина в первые дни после ареста в деле отсутствуют, но наличие заявления, полученного через три дня после его ареста, свидетельствует о том, что обработка арестованного сотрудниками НКВД проводилась. В результате чего Н.Д. Кашириным было написано заявление на имя наркома внутренних дел Союза ССР Н.И. Ежова: «Я твердо решил порвать со своим контр-революционным прошлым и раскрыть следствию свою вражескую работу, которую я проводил.

Я признаю себя за участника контр-революционного военно-фашистского заговора

Я расскажу следствию о вражеской работе, проводимой мной в Северо-Кавказском военном округе и в крае, направленной на ослабление оборонных мероприятий и помощь Красной армии. 23 августа 1937 г. Каширин (подпись)» [16, л. 8].

Постановление об избрании меры пресечения и предъявлении обвинения, подготовленное 19 сентября 1937 г. помощником начальника 5-го отдела ГУГБ НКВД СССР капитаном ГБ З.М. Ушаковым¹, гласило, что Н.Д. Каширин «изобличается в том, что он принимал активное участие в анти-советском военном заговоре, организовал казачий антисоветский центр, проводил подрывную и пораженческую работу в РККА, направленную к свержению советской власти и измене воинскому долгу (присяге). Постановил: привлечь гражданина КАШИРИНА Николая Дмитриевича в качестве обвиняемого по ст. 58-1 а, 7, 8 и 11 УК РСФСР» [16, л. 9].

В деле имеется машинописный вариант заявления Н.Д. Каширина от 3 октября 1937 г., адресованного начальнику 5-го отдела ГУГБ НКВД СССР Н.Г. Николаеву², которое начинается следующим: «Я в течение длительного времени отрицал свое участие в антисоветском право-троцкистском заговоре; теперь перед лицом изобличающих меня данных, я решил искренне признать свое участие в заговоре и рассказать всё, что о нём мне известно. В заговор я был сначала вовлечен лидером правых РЫКОВЫМ А.И. в 1928 году, а затем завербован был в военный заговор Гамарником Я.Б. в 1934 году.

В группу правых я попал не случайно. Меня туда толкали прежде всего мое кулацко-казацкое происхождение и бывшая служба офицером в казачьих частях. <...> в 28 году я разделял взгляды белорусско-толмачевской оппозиции с их ориентировкой на правое руководство в партии» [16, л. 10].

¹ Ушаков (Ушаков-Ушимирский) Зиновий Маркович (1895–1940), капитан ГБ, помощник начальника 5-го отдела ГУГБ НКВД СССР, член ВКП(б) с 1930. В органах ВЧК–ОГПУ–НКВД с 1920 г. За активную деятельность в годы массовых политических репрессий был награжден орденом Красной Звезды (22.07.1937 г.), орденом Знак Почета (22.02.1938 г.), повышен в звании (майор ГБ) 21.09.1937 г. За нарушение социалистической законности и фальсификацию следственных дел был арестован 5.09.1938 г. Военной коллегией Верховного суда СССР 21.01.1940 г. приговорен к ВМН. В реабилитации отказано.

² Николаев-Журид Николай Галактионович (1897–1940), комиссар ГБ 3 ранга, член ВКП(б) с 1920 г., в органах ВЧК–ОГПУ–НКВД с 1919 г., начальник Оперативного отдела ГУГБ НКВД СССР (1936–1937), затем начальник Особого (5-го) отдела ГУГБ СССР (1937–1938), затем начальник Контрразведывательного отдела ГУГБ НКВД (1938). Депутат Верховного Совета РСФСР 1 созыва. Кавалер четырех орденов, в т.ч. за активную деятельность в годы массовых политических репрессий был награжден орденом Ленина (22.07.1937 г.), орденом Красного Знамени (22.02.1938 г.). За нарушение социалистической законности и фальсификацию следственных дел был арестован 25.10.1938 г. Военной коллегией Верховного суда СССР 3.02.1940 г. приговорен к ВМН. Признан не подлежащим реабилитации.

На одиннадцать страниц машинописного текста изложены признания Н.Д. Каширина в антисоветской деятельности. Например, о подрывной работе в Азово-Черноморском крае после своего назначения в 1930 г. на должность командующего войсками СКВО им отмечено следующее: «...по работе в бюро крайкома я вскоре убедился в том, что и краевые руководители в лице ШЕБОЛДАЕВА, ПИВОВАРОВА, ЛАРИНА, РЯБОКОНЯ, ПУТНИНА и КОЖЕВНИКОВА в вопросах колхозного строительства проводят враждебную подрывную линию правых. Я включился в эту работу и поддерживал её на заседаниях бюро Крайкома» [16, л. 12]. Тут же следовали признания обвиняемого в организации повстанческого движения в крае: «Параллельно с работой по развалу колхозов шла работа по сколачиванию контрреволюционных казачьих повстанческих сил». Якобы, с этой целью завербованные Н.Д. Кашириным в 1931 г. командир 31 сд А.Г. Ширмахер, помощник командира 74 сд Г.Я. Килевейн и командир 69 кп П.С. Иванов создали «повстанческие группы из переменников в станциях Кубани и к середине 1932 года вовлекли в них больше 400 человек» [16, л. 13].

Далее Каширин сообщал следствию о вербовке его в заговор Гамарником в ноябре 1934 г. При этом Я.Б. Гамарник «прямо сказал о том, что состоялся блок правых и троцкистов, что ему известно о моем участии в организации правых и что группа ТУХАЧЕВСКОГО в армии является тайной, заговорщической организацией в армии для борьбы право-троцкистского блока со Сталинским руководством, имея конечной целью совершить государственный переворот в стране и реставрацию капитализма». Затем, как написано в заявлении Н.Д. Каширина, «Гамарник назвал как участников заговора СКВО ШИФРЕСА и ПРИМАКОВА, предложил мне связаться с участником заговора ФЕЛЬДМАНОМ и поручил мне вербовку нужных для контрреволюционной работы людей...» [16, л. 15].

В заявлении указаны фамилии участников заговора, «работающих в СКВО», о которых обвиняемый узнал со слов Фельдмана (3 чел.), Шифреса (4 чел.), Примакова (3 чел.) и Вакулича (5 чел.), а также тех, кто был завербован лично Кашириным (13 чел.) и тех, кого Каширин подозревал как участников заговора (9 чел.) [16, л. 17–18].

Также в заявлении Н.Д. Каширина содержатся его признания в шпионской деятельности: «...через бывших офицеров оренбургцев – братья КОЛОКОЛЬЦОВЫ и СУКИН была установлена связь с агентами японо-немецкой разведки – генералом СЕМЕНОВЫМ и ХОРВАТ» [16, л. 19].

Завершают заявления признанием Каширина в терроризме: «Кроме того, были решены и подготовлялись в период 1935 и 36 годов гнуснейшие террористические акты против вождей партии и правительства – СТАЛИНА и ВОРОШИЛОВА на случай приезда их на территорию края» [16, л. 19–20].

В конце документа напечатано: «Заявление отобрали: помощник начальника 5-го отдела ГУГБ НКВД майор ГБ Ушаков и заместитель начальника 5-го отделения 5-го отдела старший лейтенант Петровых» [16, л. 20]. Отсутствие в деле рукописного варианта заявления наталкивает на мысль, что данные сотрудники не «отобрали заявление», а непосредственно участвовали в появлении его машинописной версии.

Далее в материалах дела присутствует протокол допроса Н.Д. Каширина от 9–11 октября 1937 г. Уникален объем этого документа – 181 страница машинописного текста! Если учесть, что в среднем протокол допроса продолжительностью один час умещался на 2–3 страницах машинописного текста, то на такой объем текста потребовалось бы 4–6 суток допросов по 15 часов подряд, но следователи, якобы, уложились в трое суток (9–11 октября).

Значительный объем текста протокола посвящен самобичеванию подследственного, его признаниям в контрреволюционной деятельности. Например, о своей службе в Украинском военном округе он сообщал: «...за период 1926–1928 гг. я оформился как вполне сложившийся антисоветский человек. <...> За этот же период я действовал и как участник антисоветской троцкистской банды террористов и шпионов, которая группировалась вокруг Якира и его квартиры» [16, л. 42].

Анализ текста протокола показывает, что его содержание соответствует тексту «заявления» Н.Д. Каширина от 3 октября с внесенными в него вопросами следователей. Причем вносились вопросы, как правило, не требующие конкретных уточнений. Так, на вопрос-требование: «Показывайте по существу Вашей заговорщической работы», последовал ответ более чем

на три страницы машинописного текста (л. 42–45). Подобное встречается в тексте протокола неоднократно, например, ответ на вопрос следователя в виде риторического повествования о контрреволюционной деятельности на четыре страницы (л. 46–49) или на семь страниц (л. 207–213).

Некоторые показания Н.Д. Каширина о способах вредительской деятельности вызывают сомнения в достоверности предоставления их высокопоставленным военным. Например, он сообщил: «Мы натравливали друг на друга командиров и политработников и держали их в состоянии двух враждующих лагерей» [16, л. 38]. Показания Каширина о шпионаже (не в пользу «генерала Семенова и Хорвата», как он признавал ранее, а некоего Догмара из неизвестной страны) достаточно наивны: «Я связался с Догмаром у меня на квартире и через него передавал интересующие его сведения. Эта передача сведений продолжалась систематически в период 1931–1934 гг. включительно. За всё это время я давал Догмару по одному или два раза сведения ежегодно» [16, л. 69].

Во втором томе дела имеются подписанные Н.Д. Кашириным 22 октября 1937 г. собственноручные показания, которые уникальны по своему объему (110 страниц рукописного текста, а машинописный экземпляр – 225 страниц) [17, л. 1–225]. В этих показаниях содержатся признания о контрреволюционной деятельности Каширина и о его активной работе непосредственно в военном заговоре, приводятся фамилии командиров, известных ему по совместной контрреволюционной работе. Документ являлся своеобразным сборником показаний, которые можно было использовать для предъявления обвинения командирам, о которых было написано в этом документе. Обилие приведенного Кашириным компрометирующего материала на различных людей вызывает сомнение в том, что документ подготовлен одним человеком. Вместе с тем, говоря о 1934 г., годе вербовки его в заговор, Каширин подчеркивает: «В этот период времени я сильно болел сердечными припадками и невольно вынужден был отойти как от своей официальной работы по должности комвойск так и от работы по заговору» [17, л. 256].

В объемном (40 страниц) протоколе допроса от 9–11 ноября 1937 г. [16, л. 214–153] фактически повторяются предыдущие

показания Н.Д. Каширина о его контрреволюционной деятельности, в частности он ещё раз подтверждает: «В ноябре 1934 г. я был завербован ГАМАРНИКОМ в антисоветский военный заговор» [16, л. 252]. Совершенно очевидно, что следователи преследовали цель получить от Н.Д. Каширина как можно больше признательных показаний в различных контрреволюционных преступлениях и компрометирующей информации на других лиц. Личность покончившего жизнь самоубийством 31 мая 1937 г. армейского комиссара 1 ранга Я.Б. Гамарника в качестве вербовщика вызывает сомнение, так как исключительно выгодна следствию, поскольку он уже не мог опровергнуть данную версию.

В этом же ключе был выстроено письменное обращение Каширина помощнику начальника 5-го отдела ГУГБ НКВД майору ГБ Ушакову от 27 ноября 1937 г. В нем подследственный «вспоминает» некоторые важные для следствия факты и называет новые фамилии. Представляют интерес новые сведения о бывшем своем заместителе: «Я упустил некоторые обстоятельства в своих показаниях о комкоре ГРИБОВЕ. Ранее я уже сообщал, что УБОРЕВИЧ в разговоре со мной летом 1936 года назвал ГРИБОВА "своим и близким" человеком» [16, л. 255]. На этом основании Н.Д. Каширин посчитал С.Е. Грибова заговорщиком. Данные показания были использованы против комкора С.Е. Грибова, который через некоторое время был арестован.

Далее в этом документе Н.Д. Каширин сообщает: «Я упустил двух участников заговора в СКВО: РЕДКИН (штаб 4 кк), ФЕДИЧКИН (командир эскадрона кавполка 13 кд)» [16, л. 256]. Затем он вспоминает, что Кожевников Сергей Николаевич «очень близко стоял к ТУХАЧЕВСКОМУ» [16, л. 257], что «НЕРОНОВ Иван Григорьевич (в 1936 г. начальник ПУ СКВО) имел близкие отношения с участниками военного заговора МЕЛИНОВЫМ и БЕРЕЗИНЫМ» и что «КОРЗУН (был помощником комдива 10 кд) является близким человеком к ГОРБАЧЕВУ» [16, л. 258]. Появление этих «уточнений» объясняется тем, что все указанные командиры и политработники, кроме переведенного из СКВО в августе 1937 г. полковника П.П. Корзуна, уже находились в застенках НКВД, и следователям были необходимы дополнительные показания об их контрреволюционной деятельности.

В ходе допроса 29 ноября 1937 г., протокол которого содержал 70 страниц машинописного текста [16, л. 265–334], следователи Н.Г. Николаев и З.М. Ушаков в очередной раз добились признания Н.Д. Кашириным своей вины и показаний на других лиц, якобы участвующих в заговоре. Одним из первых ставится вопрос: «Кем и когда Вы были завербованы?». Следователи получают известный им ответ: «В ноябре 1934 года». Однако далее подследственный добавляет: «Я в 1934 году болел» [16, л. 266]. Очевидно, Н.Д. Каширин давал понять, что, находясь длительное время на излечении, он был не в состоянии проводить активную контрреволюционную работу, о которой давал показания.

В феврале 1938 г. в деле Н.Д. Каширина появились новые собственноручные показания. Так, 8 февраля им были датированы показания, которые назывались «О методах вербовки участников казачьего и военно-фашистского заговора» [17, л. 339–359]. Подследственный сообщал: в период с 1929 г. по 1933 г. «мною было завербовано в заговор только 5 человек», а также «в 1934–1935 годах, когда мною было завербовано 17 (семнадцать) заговорщиков» [17, л. 340–341]. В «показаниях» приводятся примеры вербовки: «В апреле или мае 1931 года мною был вовлечен в заговор бывший командир 74-й стрелковой дивизии КИЛЕВЕЙН Георгий Яковлевич» [17, л. 343]. Бывший поручик Русской императорской армии выражал недовольство условиями службы в Красной армии, это и было использовано Кашириным при вербовке его в заговор.

Далее в «показаниях» следует информация о вербовке другого бывшего офицера: «Начальник артиллерии СКВО МИРОЕВСКИЙ был завербован мною в военно-фашистский заговор летом 1935 года в Саратовском артиллерийском лагере» [17, л. 345]. Якобы, Н.Д. Каширин использовал расположение бывшего штабс-капитана к маршалу Тухачевскому, которого считал самым талантливым полководцем Красной армии и отзывчивым командиром. Всего же, как показал Н.Д. Каширин, из числа бывших офицеров в СКВО им были завербованы: полковники М.А. Турчанинов, Б.Н. Сперанский, С.В. Метин, В.Г. Чернов, интендант 1 ранга Н.И. Федоровский.

При вербовке командиров из рабочих и крестьян приходилось применять нестандартные подходы. Например, Каши-

рин показал, что он наметил для вербовки командира 55-й авиабригады Ф.Г. Мичугина. Зная, что в бригаде «в его командование было три катастрофы и много аварий», командующий СКВО решил запугать Мичугина, пригрозив отдать под суд. Потом, сменив гнев на милость, Каширин сообщил ему, что в Красной армии существует большая группа командиров, которые, проводят вредительскую работу в армии. В результате «поставленный мною в тупик таким оборотом, МИЧУГИН мне ответил, что он вероятно присоединился бы к этой группе командиров» [17, л. 356]. Из показаний Н.Д. Каширина так и осталось непонятным – завербовал он командира авиабригады Ф.Г. Мичугина в заговор или нет? Известно, что Ф.Г. Мичугин аресту не подвергался.

Следует отметить, что сама идея поставленной на поток вербовки командующим войсками округа своих подчиненных в антисоветский военный заговор не выдерживает критики. Содержание последующих документов в деле говорит о том, что следователи, получив нужный им массив информации, временно закрыли вопрос о деятельности Каширина по вербовке в заговор.

Следующее заявление Н.Д. Каширина адресовано следователю майору ГВ Ушакову. Это обращение на 26 страницах рукописного текста открывает новое направление в следственном деле. Каширин повествует о действующей в Красной армии контрреволюционной группировке: «Я ничего не рассказал о моих связях с контр-революционной группировкой, которая сложилась в РККА в период 1931–1935 года вокруг двух маршалов – Егорова Александра Ильича и Буденного Семёна Михайловича. Эта группировка, являясь военным центром правых, вела свою к-рев деятельность параллельно и за спиной организовавшегося тогда же военно-фашистского заговора во главе с Тухачевским, Гамарником, Якиром и др. Контр-революционная группа Егорова-Буденного складывалась постепенно и вбирала в себя самые разнообразные анти-советские элементы» [18, л. 23].

Дата написания Кашириным обращения отсутствует, вполне вероятно, что это конец января – начало февраля 1938 г. – именно тот период, когда замнаркома обороны А.И. Егоров впал в немилость и был назначен командовать Закавказским

военным округом. Относительно С.М. Буденного было отмечено, что именно на его счет относится контрреволюционная работа на кавалерийских курсах и на военно-конских заводах, так как Буденный «эту работу держал только в своих руках» [18, л. 23 об.].

Далее в «обращении» Н.Д. Каширин сообщает подробно о контрреволюционной работе в области ПВО А.И. Седякина, о контрреволюционной работе в национальных частях САВО командующего войсками округа М.Д. Великанова и его заместителя О.И. Городовикова. Много внимания в «обращении» уделено националистическому заговору на Украине и работе украинских повстанческих организаций [18, л. 34–35]. Следователи даже не задавались вопросами: каким образом вопреки элементарной конспирации могла поступать к Каширину информация от различных контрреволюционных организаций и групп, с какой целью он собирал эту информацию?

Представляет интерес заявление, которое Н.Д. Каширин 17 февраля 1938 г. адресовал наркому внутренних дел Союза ССР Н.И. Ежову. Все 22 страницы этого заявления посвящены разоблачению маршала А.И. Егорова как заговорщика. Заявление отпечатано на машинке, рукописная версия отсутствует, это наталкивает на мысль, что авторство документа не принадлежит полностью Каширину. Начинается оно следующим образом: «В своих предыдущих показаниях я не сказал всего о своей контрреволюционной деятельности, не рассказал ещё о некоторых важных фактах. Я ничего не рассказал о моих связях с группировкой, которая сложилась в РККА вокруг Маршала ЕГОРОВА Александра Ильича. Эта группировка являлась военной группой правых, особым их военным центром, и вела свою контрреволюционную деятельность одновременно с группой военного заговора во главе с Тухачевским, Гамарником, Якиром и другими. Группа ЕГОРОВА складывалась постепенно и по моим наблюдениям являлась блоком разнообразных антисоветских элементов, проводивших вражескую работу в Красной Армии и вокруг нея» [18, л. 1].

Далее Н.Д. Каширин сообщает, что в июле-августе 1932 г. во время разговора с А.И. Егоровым тот назвал «своим общником и главной опорой БУДЕННОГО Семена Михайловича». Из других лиц, связанных или примыкающих к группе

«сам же ЕГОРОВ назвал мне следующих военных работников: комвойск МВО, а затем БВО – БЕЛОВА Ивана Панфиловича, комвойск ПРИВО, а затем ЛВО – ДЫБЕНКО Павла Ефимовича, бывшего начальника вооружений ХАЛЕПСКОГО, бывшего начальника УБП РККА СЕДЯКИНА Александра Игнатьевича, комвойск ККА, а затем Приморской группы ЛЕВАНДОВСКОГО; комвойск ХВО ДУБОВОГО Ивана Наумовича; комвойск САВО, а затем ЗАБВО – ВЕЛИКАНОВА Михаила Дмитриевича» [18, л. 3].

Об идейных руководителях и задачах группы Егорова в заявлении Каширина написано следующее: «Общее политическое руководство группой ЕГОРОВА, по его словам, осуществлялось центром правых во главе с РЫКОВЫМ, БУХАРИНЫМ и ТОМСКИМ. ...деятельность группы ЕГОРОВА отличалась от работы военного заговора, руководимого ТУХАЧЕВСКИМ, ЯКИРОМ и другими. Мне, как участнику фактически обоих к-р групп, было известно, что перед обоими этими военными группами стояла одна общая задача – совершить государственный переворот в СССР с целью реставрации в стране капитализма, причем этот переворот мыслилось совершить при помощи иностранцев и путем поражения Красной армии в военных конфликтах. Однако, к решению этой задачи оба центра подходили по разному» [18, л. 4–5]. По словам Каширина: «Основные свои расчеты ЕГОРОВ строил на использовании казаков Дона-Кубани-Терека, а также на казаках Урала» [18, л. 8–9].

Принципиально, что в заявлении Каширина присутствует признание о том, что в Красной армии существует второй заговор: маршалами Егоровым и Буденным готовится вооруженное восстание с опорой на национальные и кавалерийские формирования. Выстроенная следователями НКВД при помощи признаний Каширина версия «совместного заговора правых и кавалерии» или «повстанческо-националистического восстания, поддерживаемого конницей» получилась примитивной и нелогичной.

Руководство НКВД решило устроить 26 февраля 1938 г. очную ставку Каширина с Егоровым. Позже бывший заместитель наркома внутренних дел НКВД СССР М.П. Фриновский описывал это следующим образом: «Могу рассказать еще один факт с быв. командующим Северокавказским военным окру-

гом Кашириным. Он давал в своих показаниях Егорова. Было решено устроить очные ставки ряду арестованных, которые давали показания на Егорова, в частности и Каширину с Егоровым, который еще не был арестован. Эта очная ставка должна была проводиться Ежовым в присутствии Молотова и Ворошилова в кабинете у Ежова. Первым был вызван Каширин. Егоров уже сидел в кабинете. Когда Каширин вошел и увидел Егорова, он попросил, чтобы его выслушали предварительно без Егорова. Егорова попросили выйти, и Каширин заявил, что показания на Егорова им были даны под физическим воздействием следствия, в частности, находящегося здесь Ушакова» [19, л. 556]. При этом Н.Д. Каширин, обращаясь к К.Е. Ворошилову, сказал: «Не верьте ничему, чтобы я не написал в своих дальнейших показаниях» [18, л. 39].

Подобную дерзость следователи НКВД не могли простить тому, кто находился в их полной власти. После соответствующей обработки Н.Д. Каширина в деле появились документы, в которых обвиняемый категорически отказывался от своих слов на очной ставке. Так, в машинописном тексте заявления, поданного им на имя Н.И. Ежова от 3 апреля 1938 г., значится следующее: «Прошло уже больше месяца с того момента, когда я 26 февраля с.г. сделал Вам и находящемуся у Вас в кабинете Народному Комиссару Обороны Советского Союза – Маршалу ВОРОШИЛОВУ К.Е. провокационное заявление, направленное на дискредитацию органов НКВД. Еще у Вас в кабинете, во время Вашей и Ворошилова беседы со мною, для меня стала совершенно очевидной и ясной вся бессмысленность этой моей чудовищной провокации» [18, л. 36]. Осознав всю бесперспективность обращения к руководству наркомата обороны и наркомата внутренних дел, Каширин окончательно распрощался с мыслью о восстановлении справедливости и продолжал давать «покаянные показания»: «Моё провокационное заявление о том, что я не являюсь участником заговора, а в НКВД существует застенки, в котором содержится много невинных командиров, не было случайным и неожиданным. Наоборот, оно сложилось у меня уже давно и вытекало из моего непримиримого враждебного отношения к советской власти» [18, л. 36–37]. То, как Каширин раскаивался в попытках обогатить честных сотрудников НКВД и с особой беспощадно-

стью говорил о себе свидетельствовало, что заявление Ежову ему написать помогли: «Я убежденный и закоренелый враг Советской власти с 1928 года примкнув к заговорщической организации РЫКОВА» [18, л. 38–39].

Имеющиеся в деле более поздние документы свидетельствуют, что сломленный морально и физически командарм Каширин подписывал многостраничные показания, которые изобиловали новыми подробностями его и других контрреволюционной деятельности. Например, в объемных показаниях (94 страницы машинописного текста) Каширин сообщал, что начальник Генерального штаба ставил ему задачу по развалу своих войск и созданию неких антиправительственных формирований. Затем, в подписанном Кашириным документе под названием «Продолжение показаний, прерванных по моей личной вине на время с 26 февраля по 5 апреля 1938 года» говорится о наличии на Дону, Кубани и Тереке казачьей повстанческой организации, численность которой «к концу 1936 г. достигла до 1900–2000 человек» [18, л. 97].

В деле последним документом, написанным от руки, являются «Собственноручные показания арестованного Каширина Н.Д.», которые были адресованы следователю 5 отдела УГБ НКВД СССР майору ГБ Ушакову. Часть из 68 страниц этих «собственноручных показаний» повторяют уже полученную следователями информацию о контрреволюционной деятельности Каширина и известных ему лиц, но другая часть в большей степени посвящена существенным недостаткам в состоянии войск Красной армии. Вероятно, осознавая, что его участь уже решена и это его последние строки, он профессионально и обстоятельно говорит о проблемах в военном строительстве и состоянии боеспособности войск. Данные показания вызвали интерес у майора ГБ Ушакова, который наложил визу для своего подчиненного младшего лейтенанта ГБ Ф.Е. Афанасенко: «Это ценный и срочный материал. Прошу срочно напечатать в 4-х экземплярах. 8/IV 38. Ушаков» [18, л. 205 об.].

Подобные заявления были написаны накануне суда и другими советскими военачальниками, обвиненными в контрреволюционной деятельности, например, М.Н. Тухачевским [20] и И.Э. Якиром [21]. Как военные профессионалы, они ясно представляли неизбежность мировой войны, поэтому стара-

лись обратить внимание на подготовку к войне и возможные сценарии её начала. Направляя свои последние строки в руки НКВД, они надеялись, что всё-таки будут услышаны, старались донести тревогу за судьбу армии, страны.

Сотрудники НКВД неоднократно продлевали сроки следствия на один-два месяца. Например, последнее имеющееся в деле постановление о продлении срока следствия до 7 апреля 1938 г. датировано 23 февраля того же года. Примечательно, что в нем Н.Д. Каширин значится обвиняемым по ст. 58-1 п. «а», 58-6 и 58-11 УК РСФСР [16, л. 337], т. е., как гласил Уголовный кодекс РСФСР в редакции 1927 г.: «За измену родине, то есть за действия, совершенные гражданами Союза ССР в ущерб военной мощи Союза ССР, его государственной независимости или неприкосновенности его территории», «За шпионаж» и «За любую организационную деятельность, направленную на подготовку или совершение» контрреволюционных преступлений.

Суд над Н.Д. Кашириным состоялся 14 июля 1938 г. В выписке из закрытого судебного заседания Выездной сессии ВКВС под председательством армвоенюриста В.В. Ульриха, члены заседания – диввоенюристы А.М. Орлов и И.М. Зарянов, секретарь военюрист 1 ранга А.А. Батнер, значилось, что рассматривалось дело по обвинению Каширина Николая Дмитриевича в преступлениях, предусмотренных ст. 58-1 п. «б», 58-7, 58-8 и 58-11 УК РСФСР.

Метаморфоза с изменением статей обвинения (исчезло обвинение в шпионаже, но появились статьи обвинения во вредительстве и терроризме) произошла не в ходе судебного заседания, а раньше и отражено это было в протоколе подготовительного заседания ВКВС [16, л. 347]. Примечательно, что данные статьи (58-1 п. «б», 58-7, 58-8 и 58-11 УК РСФСР) прописаны комиссаром ГБ 3 ранга Н.Г. Николаевым ещё 9 декабря 1937 г. в обвинительном заключении – документе сомнительной подлинности, небрежно составленном, с различными исправлениями, в котором имеется ссылка на статьи обвинения по делу №13226: 58-1 п. «а», 58-6, 58-7, 58-8, 58-11 УК РСФСР [16, л. 343].

Подсудимый ответил, что он полностью признает себя виновным по всем пунктам предъявленного ему обвинения

и полностью подтверждает все данные им на предварительном следствии показания [16, л. 340]. Судебным заседанием Выездной сессии ВКВС Н.Д. Каширин был приговорен к высшей мере наказания – расстрелу.

В протоколе заседания отмечено, что оно было начато 14 июля 1938 г. в 22.10, а закрыто в 22.55 [16, л. 349]. За такой короткий срок даже поверхностно ознакомиться с материалами трехтомного многостраничного дела было невозможно.

Имеющаяся в деле справка свидетельствует, что приведение приговора в исполнение состоялось в тот же день [16, л. 352].

Высокопоставленные военные юристы не пожелали увидеть явных несоответствий в материалах дела, прежде всего в показаниях обвиняемого и других арестованных. Например, кроме отмеченного выше, следует подчеркнуть: на допросах и в своих заявлениях Н.Д. Каширин показывал, что знал о группе правых во главе с А.И. Егоровым с 1931 г., активно сотрудничал и лично общался с Егоровым по вопросам контрреволюционной деятельности в 1932 г. Однако сам Егоров на допросе 2 апреля 1938 г. показал, что он завербовал Каширина в антисоветскую организацию правых в 1933 г. [22, с. 250]. Следующее: в сводке важнейших показаний арестованных Управлениями НКВД за 28 апреля 1938 г. говорится об участии Н.Д. Каширина в офицерской монархической организации [22, с. 378]. Однако Каширин на допросах признавал только то, что вербовал бывших офицеров в казачий и военно-фашистский заговор, но о деятельности офицерской монархической организации показаний не давал.

Значительно позже дело Н.Д. Каширина было пересмотрено. Военная прокуратура СССР 29 мая 1956 г. подготовила заключение, в котором отражены следующие основания для прекращения дела: в протоколах допроса Каширина, в протоколе судебного заседания ВКВС записано, что Каширин виновным себя признал, однако, как видно из материалов дела, он продолжительное время отрицал свою вину; как установлено в процессе проверки, Каширин признал себя виновным в результате применения к нему мер физического воздействия, а следователи Николаев и Ушаков осуждены за антисоветскую деятельность к высшей мере наказания; кроме показаний Каширина в деле нет никаких других документов его

виновности и по делу никто не допрашивался; в обвинительном заключении указано, что Каширин был завербован для антисоветской деятельности Рыковым и Гамарником, но проверкой Прокуратуры СССР установлено, что обвинение Гамарника в антисоветской деятельности необоснованно, и он посмертно реабилитирован; по показаниям Рыкова, Тухачевского, Семёнова Каширин не проходил; якобы завербованные Кашириным Сперанский и Жгучев показали, что они завербованы другими лицами; «шпион» Догмар – А.И. Васильев, которому Каширин якобы передавал для иностранной разведки шпионские сведения, показаний о шпионской деятельности Каширина не дал; протокол допроса 9–11 октября 1937 г. сфальсифицирован [16, л. 343–356]. Неуклюже выглядят попытки следователей НКВД сделать командарма 2 ранга Н.Д. Каширина предателем и врагом, объявляя в ходе следствия то монархистом, то правым, то шпионом, то троцкистом, то руководителем повстанческой организации.

В сложившейся ситуации сотрудники репрессивного аппарата выполняли политический заказ – ликвидировать Н.Д. Каширина как одаренного военачальника и выдающуюся личность, поскольку он мог представлять опасность для сталинского режима. В итоге вся деятельность репрессивного аппарата с изнуряющим предварительным следствием и скоротечным судом являлась постановкой, аранжировкой убийства неугодного политическому руководству человека. Дело в том, что фамилия командарма 2 ранга Н.Д. Каширина фигурировала в «Списке лиц, подлежащих суду ВКВС Союза ССР», подписанном Сталиным и его ближайшим окружением (К.Е. Ворошилов, А.А. Жданов, Л.М. Каганович, В.М. Молотов) ещё 1 ноября 1937 г. [23, л. 133]. Повторно фамилия командарма 2 ранга появилась в расстрельных списках 10 июня 1938 г. [23, л. 204], т.е. за четыре дня до суда.

Таким образом, несмотря на заслуги перед страной, героическое прошлое, авторитет и уважение у подчиненных, Н.Д. Каширин был безжалостно уничтожен на основании одних подозрений и полученных незаконными методами признательных показаний. Методами запугивания, физического воздействия и фальсификаций материалов дела следователи ГУТБ НКВД добились необходимых им результатов. В закры-

том заседании Военной коллегии Верховного суда Союза ССР явные несоответствия и противоречия были проигнорированы должностными лицами, вершившими суд.

Репрессии затронули все слои советского общества и все социальные группы. Разделить судьбу расстрелянного командарма мог любой гражданин. Атмосферу общества в 1937–1938 гг. определяли государственное беззаконие и произвол, страх, двойная мораль, единомыслие.

Командарм 2 ранга Н.Д. Каширин был посмертно реабилитирован определением ВКВС от 1 сентября 1956 г. Его архивно-следственное дело является ценным источником о распространенных в НКВД в период большого террора недозволенных методах получения «признательных показаний» и следовательских фальсификаций.

Список литературы

1. Сталин И.В. Сочинения. – Т. 14. – Март 1934–1940. – М., 1997. 334 с.
2. Население России в XX веке: в 3 т. – Т. 1. – М., 2000. 463 с.
3. Правда. – 1937. – 27 января.
4. Кропачев С.А. Советская пропаганда 1937–1938 годов о масштабах массовых политических репрессий // Вестник Адыгейского государственного университета. – 2011. – Вып. 2 (80). – С. 65–76.
5. Conquest R. The Great Terror: Stalin's Purge of the Thirties. – L.: Macmillan, 1969; Большой террор. В 2-х томах. – Рига: Ракстниекс, 1991. 416 с.+ 432 с.
6. Рапопорт В.Н., Геллер Ю.А. Измена родине. – М.: Стрелок, 1995. 462 с.
7. Хлевнюк О.В. «Большой террор» 1937–1938 гг. как проблема научной историографии // Историческая наука и образование на рубеже веков / сост. А.А. Данилов. – М., 2004. – С. 433–451.
8. Земсков В.Н. Сталин и народ. Почему не было восстания. – М.: Алгоритм, 2014. 239 с.
9. Сувениров О.Ф. Трагедия РККА 1937–1938. – М.: ТЕРРА, 1998. 528 с.
10. Черушев Н.С. 1937 год: Элита Красной Армии на голгофе. – М.: Вече, 2003. 544 с.
11. Мельтюхов М.И. Репрессии в Красной Армии: итоги новейших исследований // Отечеств. история. – 1997. – № 5. – С. 109–121.
12. Печенкин А.А. Военная элита СССР в 1935–1939 гг.: репрессии и обновление. – М.: ВЗФЭИ, 2003. 172 с.
13. Правда. – 1937. – 11 июня.
14. Российский государственный военный архив (РГВА). Оп. 243–352. В Послужном списке Н.Д. Каширина числятся знаки за боевые отличия: орден «Св. Анны 4-й степени» с надписью «За храбрость», ордена «Св. Анны 2-й и 3-й степени» с мечами, ордена «Св. Станислава 2-й и 3-й степени» с мечами и бантом, орден «Св. Владимира 4-й степени» с мечами и бантом.
15. Черушев Н.С., Черушев Ю.Н. Расстрелянная элита РККА (командармы 1-го и 2-го рангов, комкоры, комдивы и им равные). 1937–1941. Биографический словарь. – М., 2012. 496 с.
16. Центральный архив Федеральной службы безопасности Российской Федерации (ЦА ФСБ РФ). Д. Р-23554: в 3 т. Т. 1. (здесь и далее орфография и пунктуация источника сохранены).

17. ЦА ФСБ РФ. Д. Р-23554: в 3 т. Т. 2.
18. ЦА ФСБ РФ. Д. Р-23554: в 3 т. Т. 3.
19. Справка КГБ СССР и Генеральной прокуратуры СССР в Комиссию Политбюро ЦК КПСС о дополнительном изучении материалов, связанных с репрессиями в РККА. 24 февраля 1988 г. // Военный совет при народном комиссаре обороны СССР. 1–4 июня 1937 г.: Документы и материалы. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОС-СПЭН), 2008. – С. 551–560.
20. ЦА ФСБ РФ. Д. Р-9000. Т. 1.
21. ЦА ФСБ РФ. Д. Р-9000. Т. 12.
22. Лубянка. Советская элита на сталинской голгофе. 1937–1938. Архив Сталина: Документы и комментарии / сост. В.Н. Хаустов. – М.: МФД, 2011. 528 с.
23. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф.17. Оп. 171. Д. 412.
24. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 417.

Archival and investigative file of the former commander of the North Caucasus Military District, army commander of the 2nd rank N.D. Kashirin as a source for the study of mass political repressions in the Red Army in 1937–1938

Vladimir S. Milbakh, Aleksey V. Dusin

The phenomenon of mass political repressions of 1937–1938 in the USSR continues to attract the attention of not only historians, but also ordinary citizens interested in the history of their country and its Armed Forces. Of particular interest are the issues of political persecution of the supreme commanding staff of the Red Army, a significant part of which was accused of conspiracy against the existing system. In 4,5 pre-war years, more than 800 representatives of the "red generals" became victims of the policy of repression (shot on charges of counter-revolutionary crimes, died in custody, committed suicide). The article presents the results of studying the materials of the archival and investigative case of one of the prominent Soviet commanders of the interwar period – commander of the 2nd rank N.D. Kashirin.

Ключевые слова: political repressions, commanding staff, arrest, conspiracy, Cossacks, investigation, interrogation protocol, falsification, execution, rehabilitation.

For citation: Milbakh, V.S., Dusin, A.V. (2022). Arhivno-sledstvennoe delo byvshego komanduyushchego vojskami Severo-Kavkazskogo voennogo okruga komandarma 2 ranga N.D. Kashirina kak istochnik dlya issledovaniya massovyh politicheskikh repressij v Krasnoj armii v 1937–1938 gg. [Archival and investigative file of the former commander of the North Caucasus Military District, army commander of the 2nd rank N.D. Kashirin as a source for the study of mass political repressions in the Red Army in 1937–1938]. *Istoriya povsednevnosti – History of everyday life*. No. 3. pp. 142–163. (In Russ.). DOI 10.35231/25422375_2022_3_142

References

1. Stalin I.V. *Sochineniya* [Essays]. T. 14. Mart 1934–1940. M., 1997. 334 p.
2. *Naselenie Rossii v XX veke* [The population of Russia in the twentieth century]: v 3 t. T. 1. M., 2000. 463 p.
3. *Pravda*. 1937. 27 yanvary.
4. Kropachev S.A. *Sovetskaya propaganda 1937–1938 godov o masshtabah massovykh politicheskikh represij* [Soviet propaganda of 1937–1938 on the scale of mass political repression] // *Vestnik Adygejskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Adygea State University]. 2011. Vyp. 2 (80). pp. 65–76.
5. Conquest R. *The Great Terror: Stalin's Purge of the Thirties*. L.: Macmillan, 1969; *Bol'shoj terror*: v 2 t. Riga: Rakstnieks, 1991. 416 p.+ 432 p.
6. Rapoport V.N., Geller YU.A. *Izmena rodine* [Treason to the motherland]. M., «Strelec», 1995. 462 p.
7. Hlevnyuk O.V. «*Bol'shoj terror*» 1937–1938 gg. kak problema nauchnoj istoriografii [The "Great Terror" of 1937–1938 as a problem of scientific historiography] // *Istoricheskaya nauka i obrazovanie na rubezhe vekov* [Historical Science and education at the turn of the century] / sost. A. A. Danilov. M., 2004. pp. 433–451.
8. Zemskov V.N. *Stalin i narod. Pochemu ne bylo vosstaniya* [Stalin and the people. Why was there no uprising]. M.: «Algoritm», 2014. 239 p.
9. Suvenirov O.F. *Tragediya RKKa 1937–1938* [The tragedy of the Red Army 1937–1938]. M.: TERRA, 1998. 528 p.
10. CHERUSHEV N.S. *1937 god: Elita Krasnoj Armii na golgofe* [1937: The elite of the Red Army at Golgotha]. M.: Veche, 2003. 544 p.
11. Mel'tyuhov M.I. *Repressii v Krasnoj Armii: itogi novejsih issledovanij* [Repression in the Red Army: the results of the latest research] // *Otechestv. istoriya* [Fatherland. History]. 1997. № 5. pp. 109–121.
12. Pechenkin A.A. *Voennaya elita SSSR v 1935–1939 gg.: repressii i obnovlenie* [The military elite of the USSR in 1935–1939: repression and renewal]. M.: VZFEI, 2003. 172 p.
13. *Pravda*. 1937. 1 iyunya.
14. *Rossiiskij gosudarstvennyj voennyj arhiv (RGVA)* [Russian State Military Archive]. Op. 243–352. V *Posluzhnom spiske N.D. Kashirina chisl'yatsya znaki za boeyle otlichiya: orden «Sv. Army 4-j stepeni» s nadpis'yu «Za hrabrost'», ordena «Sv. Army 2-ji 3-j stepeni» s mechami, ordena «Sv. Stanislava 2-ji 3-j stepeni» s mechami i bantom, orden «Sv. Vladimira 4-j stepeni» s mechami i bantom*.
15. CHERUSHEV N.S., CHERUSHEV YU.N. *Rasstrelyannaya elita RKKa* (komandarmy 1-go i 2-go rangov, komkory, komdivy i im равные). 1937–1941. Biograficheskij slovar' [The executed elite of the Red Army (1st and 2nd rank commanders, komkor, komdiv and their equals). 1937–1941. Biographical Dictionary]. M., 2012. 496 p.
16. *Central'nyj arhiv Federal'noj sluzhby bezopasnosti Rossijskoj Federacii (CA FSB RF)* [Central Archive of the Federal Security Service of the Russian Federation]. D. R-23554 v 3-h tomah. T. 1. (zdes' i dalje orfografiya i punktuciya istochnika sohraneny).
17. CA FSB RF. D. R-23554: v 3 t. T. 2.
18. CA FSB RF. D. R-23554: v 3 t. T. 3.
19. *Spravka KGB SSSR i General'noj prokuratury SSSR v Komissiyu Politbyuro CK KPSS o dopolnitel'nom izuchenii materialov, svyazannyh s repressiyami v RKKa*. 24 fevralya 1988 g. [Reference of the KGB of the USSR and the General Prosecutor's Office of the USSR to the Commission of the Politburo of the Central Committee of the CPSU on additional study of materials related to repression in the Red Army. February 24, 1988] // *Voennyj sovet pri narodnom komissare oborony SSSR. 1–4 iyunya 1937 g.: Dokumenty i materialy* [Military Council under the People's Commissar of Defense of the USSR. June 1–4, 1937: Documents and materials]. M.: Rossijskaya politicheskaya enciklopediya (ROSSPEN), 2008. pp. 551–560.
20. CA FSB RF. D. R-9000. T. 1.
21. CA FSB RF. D. R-9000. T. 12.
22. *Lubyanka. Sovetskaya elita na stalinskoj golgofe. 1937–1938. Arhiv Stalina: Dokumenty i kommentarii* / Sost. V.N. Haustov [Lubyanka. The Soviet elite on Stalin's Golgotha. 1937–1938. Stalin's Archive: Documents and comments]. M.: MFD, 2011. 528 p.
23. *Rossiiskij gosudarstvennyj arhiv social'no-politicheskoy istorii (RGASPI)* [Russian State Archive of Socio-Political History]. F.17. Op. 171. D. 412.
24. RGASPI. F.17. Op. 171. D. 417.

Статья поступила в редакцию 11.07.2022
Одобрена после рецензирования 10.08.2022
Принята к публикации 22.08.2022